

Серия «Из тьмы»

Говард Филлипс Лавкрафт

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЁН

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2022

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31
КТК 654
Л13

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.
Л13 За гранью времён / Говард Филлипс Лавкрафт. — Ростов
н/Д : Феникс, 2022. — 255 с. : ил. — (Из тьмы).

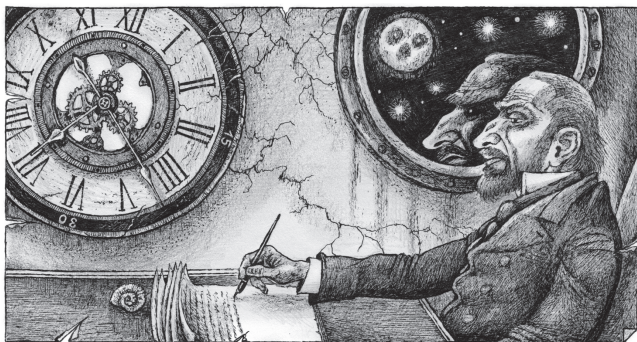
ISBN 978-5-222-34700-3

Самые захватывающие произведения, входящие в «золотой фонд» мировой литературы ужасов. Любители пощекотать себе нервы не должны проходить мимо этой серии! На страницах книг оживут самые страшные ночные кошмары, от древних богов Лавкрафта до ведьм Гоголя. Читатель прикоснётся к древним оккультным тайнам, посетит ужасные и таинственные миры, созданные фантазией великих писателей. Не читайте эти книги на ночь!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-34700-3

- © Оформление: ООО «Феникс», 2021
- © Иллюстрации: Иванов И., 2019
- © В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

I

После двадцати двух лет непрерывных ночных кошмаров, после бесчисленных попыток избавиться от диких и невероятных фантазий, ставших со временем частью моей жизни, я не рискну поручиться за полную достоверность описываемых ниже событий, имевших место — если это был все же не сон — в Западной Австралии в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля 1935 года. Во всяком случае, я еще не потерял надежду на то, что все происшедшее было просто еще одной из множества галлюцинаций, благо поводов для нервного расстройства у меня в те дни хватало с избытком. Но, увы, и эта слабая надежда каждый раз угасает, едва соприкоснувшись со страшной реальностью.

Итак, если выяснится, что все случившееся не является плодом моего воображения, человечеству останется лишь

воспринять это как предупреждающий знак, поданный нам таинственными силами Вселенной, и отказаться от непомерных амбиций, осознав ничтожность собственного бытия в кипящем водовороте времени. Ему также следует быть готовым к встрече с доселе неведомой опасностью, которая, даже не будучи в состоянии охватить целиком всю нашу расу, может обернуться чудовищными и непредсказуемыми последствиями для многих наиболее смелых и любознательных ее представителей.

Последнее обстоятельство и побудило меня выступить с этим сообщением, дабы предостеречь людей от попыток проникнуть в тайну тех древних развалин, которые не так давно стали предметом исследований возглавляемой мною экспедиции.

Я утверждаю, что в ту ночь, находясь в здравом уме и памяти, я столкнулся с явлением, могущим в корне переменить наш взгляд на окружающий мир. Все, что я стремился развенчать как легенду и вымысел, получило, наоборот, ужасающее подтверждение. Я отчасти даже благодарен охватившей меня тогда панике, ибо она стала причиной потери одной вещи, которая, будь она извлечена из той гибельной бездны, явилась бы окончательным и неопровержимым доказательством моей правоты.

Я был единственным, кто все это видел, — и до сих пор я никому об этом не рассказывал. Я не мог помешать другим продолжить начатые мною раскопки, но, к счастью, непрестанные бури и движущиеся пески пока еще не позволили им добиться успеха. Мною движет не столько забота о собственном душевном равновесии, сколько желание предупредить тех, кто отнесется ко всему здесь написанному всерьез.

Данный отчет — значительная часть которого на первых порах не сообщит ничего нового людям, следящим за

публикациями в прессе, особенно в некоторых научных изданиях, — пишется сейчас в каюте корабля, везущего меня домой. По завершении этой работы я передам ее моему сыну, Уингейту Пизли, профессору Мискатоникского университета, — единственному члену моего семейства, не оставившему меня после того давнего случая с амнезией и лучше других осведомленному о некоторых обстоятельствах моей жизни. Во всяком случае, он менее всех прочих будет склонен подвергать сомнению то, что я собираюсь поведать о событиях той роковой ночи.

Я ничего не сказал ему до своего отплытия, почти за лучшее сделать это в письменной форме. Последовательное изложение на бумаге создаст более полную и убедительную картину происшедшего, чем это мог бы сделать мой бесвязный и взволнованный устный рассказ.

Дальнейшая судьба этих записок будет зависеть только от моего сына — он волен передать их, сопроводив собственными комментариями, в любые инстанции, какие сочтет наиболее для того подходящими. Что же касается тех возможных читателей, кто не знаком с обстоятельствами, предшествовавшими моему открытию, то специально ради них я предпосылаю сему труду достаточно пространную вводную часть.

Итак, меня зовут Натаниэль Уингейт Пизли; имя мое должно быть известно тем, кто еще помнит газетные истории, наделавшие шуму лет тридцать назад, или более поздние — шести-семилетней давности — письма и статьи в специальных журналах по психологии. В печати тогда широко обсуждались подробности странной формы амнезии, в которой я находился с 1908 по 1913 год; распространению всевозможных слухов немало способствовали предания и легенды, связанные с колдовством, магией и разными жуткими

проявлениями безумия, по сей день бытующие в окрестностях небольшого старинного городка в штате Массачусетс, который был и остается моим основным местом жительства. Должен сразу оговориться, что ни моя наследственность, ни ранние годы жизни не позволяли предполагать наличие отклонений в умственном развитии или каких-нибудь иных нарушений психики. Этот факт представляется важным, поскольку далее речь пойдет об удивительных явлениях, существующих где-то *вне* моего бытия и лишь по прихоти судьбы отбросивших на меня свою зловещую тень.

Может статься, что сам этот столетиями сохранявший-ся дух города Аркхема с его ветхими домами, населенными призраками далекого прошлого, оказался особенно уязвимым для проникновения подобного рода теней, — хотя и эта версия кажется мне весьма сомнительной, принимая во внимание характер последовавших за тем событий. Главным здесь является то, что я по своему происхождению и биографии мало чем отличаюсь от большинства местных жителей. Перемена пришла откуда-то извне — откуда именно, я по сей день затрудняюсь описать словами.

Родителями моими были Джонатан и Ганна (Уингейт) Пизли, происходившие из двух коренных хаверхильских семей. Я родился и рос в Хаверхилле, в старой усадьбе на Бордмен-стрит близ Голден-Хилл, и не бывал в Аркхеме до тех пор, пока в 1895 году не устроился в Мискатоникский университет на должность преподавателя политической экономии.

С той поры еще в течение тринадцати лет жизнь моя текла спокойно и размеренно. В 1896 году я женился на Алисе Кизар, также родом из Хаверхилла; трое моих детей — Роберт, Уингейт и Ганна — появились на свет соответственно в 1898, 1900 и 1903 годах. В 1898 году я стал адъюнк-

профессором, а с 1902 года носил уже полное профессорское звание и ни разу за все это время не проявлял интереса ни к оккультизму, ни к психопатологии.

Но вот однажды — это был четверг четырнадцатого мая 1908 года — произошел тот самый странный припадок амнезии. Все случилось внезапно, хотя позднее я пришел к выводу, что неясные видения, короткими вспышками возникавшие за несколько часов до того — нечто бессмысленно хаотическое, встревожившее меня в первую очередь своей неординарностью, — вполне могли быть расценены как своеобразные предваряющие симптомы. Голова моя буквально раскалывалась, я испытывал такое чувство, будто кто-то со стороны пытается проникнуть в самые глубины моего сознания.

Припадок как таковой начался около десяти часов двадцати минут утра, в тот момент, когда я вел занятия по политической экономии — история и современные тенденции развития экономических учений — для младшего курса и нескольких присутствовавших в зале студентов постарше. Вдруг перед моими глазами возникли какие-то странные образы, мне показалось, что я нахожусь не в классной комнате, а в совершенно ином помещении самого необычного, даже абсурдного, вида. Мысли и речь помимо моей воли отделились от обсуждаемого предмета, и студенты тотчас заметили, что здесь творится что-то неладное. Затем я, теряя сознание, тяжело рухнул на стул и погрузился в обморок, из которого меня так и не смогли вывести. В свое нормальное состояние я вернулся через пять лет, четыре месяца и тринадцать дней.

Позднее мне рассказали, что со мной тогда происходило. Я почти не подавал признаков жизни в течение шестнадцати с половиной часов, несмотря на все усилия врачей, к тому

времени уже перевезших меня в мой дом на Крэйн-стрит, 16. В три часа утра пятнадцатого мая мои глаза открылись и я подал голос, но очень скоро врачи и члены моей семьи пришли в сильнейшее смятение от того, что и как я говорил. Было ясно, что я не представляю себе, кто я такой, и не помню ничего из собственного прошлого, хотя по какой-то причине я, как им показалось, всячески старался скрыть этот пробел в своих знаниях. Взгляд мой, останавливаясь на окружающих, явно их не узнавал, а движения лицевых мышц резко отличались от моей обычной мимики.

Да и сама речь моя была сильно затруднена, скована и вообще казалась речью иностранца. Я испытывал определенные сложности с управлением своими речевыми органами, а моя манера выражаться имела тот неестественно выпященный оттенок, какой бывает характерен для людей, долго и основательно изучавших английский язык по книгам и при этом полностью лишенных живого языкового общения. Произношение было каким-то по-варварски чужеродным, а словарь включал в себя как давно уже забытые архаизмы, так и совершенно непостижимые новообразования.

В числе последних было одно выражение, впоследствии — спустя двадцать лет — вспомнившееся самому молодому из врачей при обстоятельствах, глубоко его поразивших. Ибо теперь он услышал это выражение вторично — на сей раз уже как новый термин, получающий все большее распространение сначала в Англии, а затем и в Соединенных Штатах. Несмотря на сложность и безусловную новизну этого термина, он в мельчайших деталях воспроизводил те загадочные слова, что были услышаны доктором в Аркхемес весной 1908 года.

На моем физическом состоянии болезнь практически не отразилась, хотя мне потребовалось довольно много времени

для того, чтобы вновь научиться владеть всеми частями тела и выполнять даже самые простые и обыденные операции. По этой и ряду иных причин, связанных с потерей памяти, я еще долго находился под строгим медицинским наблюдением.

Когда я наконец понял, что все мои попытки утаить от окружающих провалы в памяти оказываются тщетными, я открыто признал этот факт и начал с удивительной жадностью заново накапливать всевозможную информацию. Вскоре докторам начало казаться, что, едва убедившись в достаточно спокойном отношении людей к постигшей меня болезни, я совсем перестал интересоваться своим прошлым и собственной личностью вообще. Вместо этого я сосредоточил основные усилия на изучении отдельных вопросов истории, естественных наук, искусства, языка и фольклора, причем если некоторые из них были чрезвычайно трудны для понимания, то другие были совершенно элементарны и известны чуть ли не каждому ребенку, но каким-то образом умудрились изгладиться из моей памяти.

Зато, как вскоре выяснилось, я обладал обширными познаниями в областях, недоступных для современной науки, — познаниями, которые я не только не стремился проявить, но и по возможности утаивал. Так, однажды я имел неосторожность сослаться в разговоре на некоторые исторические факты, относящиеся к временам гораздо более древним, чем в состоянии были представить себе наши ученые-историки, — и тут же поспешил обратить свои слова в шутку, заметив неподдельное изумление на лицах собеседников. Кроме того, я имел весьма странную привычку рассуждать о будущих событиях как об уже совершившихся, что два или три раза вызвало у людей настоящий испуг.

Понемногу подобные необычные проявления случались все реже, а потом и вовсе прекратились, хотя некоторые

наблюдатели были склонны приписать их исчезновение принятым мною мерам предосторожности, а отнюдь не утрате самих этих сверхъестественных знаний. В самом деле, я выказывал поразительную активность в изучении языков, обычаев и перспектив развития окружающей меня цивилизации, напоминая при этом любознательного путешественника, прибывшего сюда из каких-то далеких чужих краев.

Получив соответствующее разрешение, я целыми днями просиживал в библиотеке колледжа, а еще какое-то время спустя предпринял ряд весьма необычных экспедиций, в промежутке между которыми прослушал специальные курсы лекций в американских и европейских университетах, — все это вызывало множество разных толков на протяжении нескольких последующих лет.

В тот период времени мое уникальное заболевание пришло мне определенную известность среди крупнейших светил психологии — известность, которой я как мог пользовался для расширения своих контактов в научных кругах. Неоднократно мне приходилось фигурировать на лекциях в роли экспоната, демонстрируя в своем лице типичный экземпляр повторного формирования личности, при этом я часто ставил лекторов в тупик своими эксцентричными заявлениями и заставлял их подозревать во всем этом тщательно скрываемую издевку.

Мне крайне редко случалось встречать по-настоящему дружелюбный прием. Что-то в моем облике и речи отпугивало людей и пробуждало в них чувство антипатии, словно я был существом бесконечно далеким от всего, что они считали здоровым и естественным. Постепенно разговоры о темной и мрачной бездне, заключенной в самой природе моего сознания и связанной с моей непреодолимой отчуж-

денностью от окружающего мира, переросли в устойчивое и почти единодушное мнение.

Моя собственная семья мало отличалась в этом смысле от всех прочих. С момента моего странного пробуждения жена воспринимала меня с крайним ужасом и неприязнью, утверждая, будто видит во мне кого-то чужого и абсолютно ей неизвестного, вселившегося в тело ее супруга. В 1910 году она оформила официальный развод и даже позднее, после возвращения меня в нормальное состояние в 1913 году, категорически отказывалась со мной встречаться. Точно так же относились ко мне мой старший сын и дочь — совсем еще дитя; никого из них с тех пор я не видел.

И лишь мой второй сын, Уингейт, нашел в себе силы преодолеть страх и отвращение, вызванные случившейся со мной переменой. Он также чувствовал во мне чужака, но, несмотря на свой малый возраст — ему тогда было лишь восемь лет, — сохранял надежды на то, что однажды мое настоящее «я» вернется в свою телесную оболочку. Когда это и впрямь произошло, он немедленно меня разыскал и вскоре законным порядком перешел под мою опеку. Все последующие годы он оказывал посильную помощь в моих изысканиях, и сегодня, в возрасте тридцати пяти лет, он уже носит звание профессора Мискатоникского университета.

Но в период амнезии я ничуть не удивлялся и почти не обращал внимания на страх и ненависть, которые сеял вокруг себя, ибо сознание, голос и выражение лица того существа, что проснулось пятнадцатого мая 1908 года, на самом деле не имели ничего общего с Натаниэлем Уингейтом Пизли.

Я не собираюсь рассказывать здесь во всех подробностях о своей жизни с 1908 по 1913 год — желающие могут ознакомиться с ними, просмотрев подшивки старых газет и научных журналов, как поступил впоследствии и я сам.

Скажу лишь, что, будучи признан в целом вменяемым и допущен к пользованию своими денежными средствами, я расходовал их достаточно рачительно, большей частью на путешествия и на занятия в различных центрах науки и культуры. Путешествия мои, однако, никак нельзя было отнести к разряду обычных: как правило, я надолго исчезал в самых отдаленных и пустынных уголках планеты.

Так, в 1909 году я провел месяц в Гималаях, а в 1911 привлек внимание прессы своим походом на верблюдах вглубь неисследованных пустынь Аравийского полуострова. Что происходило во время этих экспедиций — навсегда осталось загадкой, в том числе теперь и для меня самого.

Летом 1912 года я зафрахтовал судно, на котором предпринял плавание в арктические широты на север от Шпицбергена, по возвращении откуда выказывал явные признаки разочарования. В конце того же года я в полном одиночестве провел несколько недель в громадном комплексе известковых пещер в Западной Виргинии, намного превзойдя по продолжительности экспедиции как своих предшественников, так и всех позднейших исследователей. Система этих лабиринтов столь запутана, что проследить мой маршрут в их глубинах не представляется возможным.

Говоря о моих научных занятиях, нельзя не отметить необычайно высокие темпы усвоения информации; судя по всему, интеллектуальные возможности моей второй личности на несколько порядков превосходили мои собственные — те, что были изначально даны мне природой. Скорость чтения и работоспособность были просто феноменальными. Я мог запомнить во всех подробностях содержание книги, лишь бегло перелистав ее страницы, а моя способность мгновенно разгадывать сложнейшие умопостроения и извлекать из

них самую суть производила на ученых мужей воистину потрясающий эффект.

Время от времени в газетах появлялись статьи почти скандального характера, в которых утверждалось, будто я могу по своей воле изменять и направлять мысли и действия других людей, хотя я, безусловно, старался не злоупотреблять этим опасным даром.

Другие сообщения подобного рода касались моих близких сношений с представителями различных оккультных обществ, а также с учеными, которых не без основания подозревали в связях с некими мистическими сектами, ведущими свое происхождение с древнейших времен. Все эти слухи, не получившие тогда реального подтверждения, в значительной мере провоцировались моим пристрастием к чтению трудов весьма сомнительного содержания — ведь, справляясь в библиотеке о редких старинных книгах, практически невозможно сохранить это дело в тайне.

Имеются свидетельства — подкрепленные моими собственноручными пометками на полях книг — того, что я очень внимательно изучил такие произведения, как «Cultes des Goules» графа д'Эрлетта, «De Vermis Mysteriis» Людвиг Принна, «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцга, уцелевшие фрагменты из загадочной «Книги Эйбона», а также «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда. И потом, ни для кого не являлась секретом беспрецедентная активизация всевозможных магических и сатанинских культов как раз в период моего странного превращения.

К лету 1913 года я начал проявлять признаки апатии и не раз намекал на какие-то грядущие перемены в моем состоянии. Я говорил, что во мне начинают пробуждаться воспоминания о прежней жизни; правда, большинство знакомых считали это обычной уловкой, ибо все мои откры-

вения касались лишь тех фактов, которые могли быть позаминствованы из моей частной переписки прошлых лет.

В середине августа я вернулся в Аркхем и поселился в своем давно уже пустовавшем доме на Крэйн-стрит. Там я установил необычного вида прибор, собранный по частям различными фирмами-изготовителями научной аппаратуры в Европе и Америке и тщательно охраняемый от взоров специалистов, могущих сделать какие-нибудь догадки о его назначении.

Те, кто видел этот прибор — привезший его рабочий, служанка и новая экономка, — в один голос утверждали, что это была ни с чем не сравнимая мешанина из рычагов, колес и зеркал высотой не более двух футов, шириной и длиной в один фут. Выпуклое центральное зеркало аппарата имело идеально круглую форму. Все эти сведения впоследствии подтвердились изготовителями каждой отдельной детали из числа упомянутых в описании.

Вечером в пятницу двадцать шестого сентября я отпустил экономку и прислугу до следующего полудня. Допоздна в доме горел свет, и я находился там не один — соседи видели, как к крыльцу подкатил на автомобиле худой темноволосый мужчина, в котором по каким-то неуловимым приметам безошибочно угадывался иностранец.

Последний раз свет в окнах видели около часу ночи. В два часа пятнадцать минут совершавший обход полицейский заметил, что автомобиль все еще стоит у обочины тротуара; в доме было темно. При повторном обходе около четырех часов автомобиля на месте не оказалось.

В шесть часов утра зазвонил телефон в доме доктора Уилсона и запинаящийся голос с сильным иностранным акцентом попросил доктора заехать ко мне домой и вывести меня из состояния глубокого обморока. Этот звонок — а он

пришел по междугородной линии — был сделан, как впоследствии установила полиция, из телефонной будки на Северном вокзале Бостона; что же до странного иноземца, то никаких следов его существования обнаружено не было.

Когда доктор прибыл ко мне домой, он нашел меня полулежащим в мягком кресле посреди гостиной. Я был без сознания. На полированной поверхности стола, придвинутого почти вплотную к креслу, остались царапины и вмятины, указывавшие на то, что здесь прежде стоял какой-то сравнительно крупный и массивный предмет. Необычного аппарата в доме не оказалось, и никаких известий о нем с тех пор не поступало. Несомненно, ночной пришелец забрал аппарат с собой.

В камине домашней библиотеки была найдена целая гора еще теплого пепла, очевидно, оставшегося после сожжения всех — до мельчайшего клочка — бумаг, на которых остались мои записи, сделанные с момента наступления амнезии. Мое дыхание внушило доктору Уилсону некоторые опасения, но после подкожной инъекции оно выровнялось и стало спокойней.

В одиннадцать часов пятнадцать минут утра двадцать седьмого сентября мое тело начало шевелиться, а на застывшем, как маска, лице стало проглядывать живое выражение. Доктор Уилсон обратил внимание на то, что выражение это больше напоминало мой первоначальный облик, нежели облик, характерный для моего alter ego. Около половины двенадцатого я произнес несколько звуковых сочетаний, мало походивших на человеческую речь. Казалось, я веду борьбу с чем-то внутри себя. Наконец, уже после полудня — к тому времени в доме появились отпущенные мной накануне служанка и экономка, — я заговорил по-английски:

— ...Среди ортодоксальных экономистов того периода мы можем выделить Джевонса как типичного представителя преобладавшей тогда тенденции к соотносению, казалось бы, далеких друг от друга научных понятий. Он, в частности, пытался установить связь между экономическими циклами процветания и депрессии и циклическим образованием и исчезновением пятен на поверхности Солнца, что можно считать своего рода вершиной подобных...

Натаниэль Уингейт Пизли вернулся — нелепый призрак из прошлого, на временной шкале которого все еще значилось майское утро 1908 года, университетская аудитория и ряды студентов-первокурсников, не сводящих глаз с обшарпанного стола на лекторской кафедре.

II

Мое возвращение к нормальной жизни оказалось трудным и болезненным процессом. Потеря пяти лет создает в этом плане гораздо больше проблем, чем это можно себе представить на первый взгляд, а в моем случае имелось еще множество дополнительных сложностей.

Все, что я узнал о своих действиях в период с 1908 года, крайне меня озадачило и огорчило, но я постарался смотреть на эти вещи философски. Поселившись со своим вторым сыном, Уингейтом, в доме на Крэйн-стрит, я попытался возобновить преподавательскую деятельность — моя прежняя профессорская должность была любезно предложена мне руководством колледжа.

Я вышел на работу в феврале 1914 года и продержался несколько семестров, к этому времени окончательно убедившись в том, что последние пять лет не прошли даром для моего здоровья. Хотя мои умственные способности как будто не пострадали — по крайней мере, я очень хотел бы

на это надеяться — и личность моя восстановилась во всей ее целостности, я не мог сказать того же о своих нервах. Меня часто преследовали неясные тревожащие сны; порой мне в голову приходили идеи самого странного свойства, а когда начавшаяся мировая война направила мои мысли в историческую плоскость, я вдруг обнаружил, что рассматриваю события прошлого с какой-то совершенно необычной — чтоб не сказать неприемлемой для нормального человека — точки зрения.

Мои представления о *времени* — в частности, моя способность проводить грань между последовательным и одновременным — казались отчасти нарушенными; у меня иногда появлялись химерические идеи о возможности, живя в каком-то конкретном временном промежутке, перемещать при этом свое сознание в пределах вечности с целью непосредственного изучения как прошлых, так и будущих веков.

В связи с продолжающейся войной у меня порой возникало такое чувство, будто я могу вспомнить некоторые из ее весьма отдаленных последствий — словно я уже знал ее итоги и мог смотреть на нее *ретроспективно*, владея информацией о событиях, которым еще только предстояло свершиться. Все эти псевдовоспоминания сопровождались приступами сильной боли и ощущением искусственного психологического барьера, отделяющего их от остальных участков моей памяти.

Когда я в разговорах с другими пробовал осторожно намекнуть на эти свои впечатления, ответная реакция была самой разной. Иные глядели на меня подозрительно, иные с оттенком сожаления, а некоторые мои знакомые с математического факультета сразу подхватили тему и сообщили мне о новых открытиях в теории относительности, тогда

Содержание

За гранью времен	3
Зов Ктулху	106
Серебряный ключ	153
Кошмар в Ред-Хуке	173
Зверь в пещере	216
Пёс	227
Лунная топь	240

Литературно-художественное издание

Говард Филлипс Лавкрафт
ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЁН

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 09.2021. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в ЗАО «Белгородское торгово-промышленное предприятие»

Юр. адрес: 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Некрасова, д. 11.
Факт. адрес: 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 147 «А»